

— Я прибрал для тебя свою комнату, так что пока поживёшь здесь, — сказал Кан Чжэ, войдя в дом и поставив багаж Санджи у своей кровати.

Впрочем, «багаж» было слишком громким словом для этого холщового мешка. Рванный и потрёпанный, он был покрыт слоем пыли и грязи, собранной за время долгого и трудного пути. Всё произошло так внезапно, что Кан Чжэ, заметив на кровати несвежее постельное бельё, которое он не успел сменить, раздражённо нахмурился. Он обернулся, чтобы посмотреть на Санджи, но обнаружил, что тот так и не вошёл, а в полной растерянности застыл в дверях.

Сначала он доехал на маршрутке из посёлка в уездный город, оттуда — на автобусе до Чэнду. В спальный вагон билет купить не удалось, но Санджи радовался, что урвал хотя бы сидячее место. Вещей у него было немного, но это было всё его имущество, поэтому он не смел спать, всю ночь не сомкнув глаз. Когда днём он наконец добрался до Шэньчжэня, за плечами у него было почти трое суток изматывающей, бессонной дороги.

Въевшийся запах вагона ещё не успел развеяться, и Санджи впервые в жизни вдруг понял, до чего же отвратительно от него пахнет. В ужасе, что Кан Чжэ заметит этот смрад, он застыл на месте, парализованный стыдом и неловкостью.

Ещё до отъезда Санджи знал, что будет бояться этого огромного города. Он не стыдился того, что он — парень из деревни, представитель нацменьшинства, плохо говорящий по-китайски. Но перед лицом этой вопиющей чужеродности в нём проснулся запоздалый стыд. Он понимал, что сильно выделяется на фоне окружающей обстановки, но чистое, опрятное и более чем достойное, в его глазах, жилище Кан Чжэ вдруг сделало это ощущение до боли осязаемым. Санджи стоял в дверях спальни и смотрел, как его замызганный багаж лежит около опрятной кровати Кан Чжэ. На мгновение ему захотелось расплакаться. Он замер, бессознательно ковыряя пальцами дверной косяк, и нерешительно проговорил:

— А-Чжэ... я, наверное, доставляю тебе хлопоты?..

Кан Чжэ замер, затем обернулся и с удивлением вскинул брови.

— Ты научился говорить по-китайски? Кто тебя научил?

Санджи смущённо потупился, и его прежде сносная речь тут же стала прерывистой и запинаящейся:

— За те... за те годы, что тебя не было... я пошёл учиться. Н-не в очень хорошую... хорошую школу... П-просто... в уездную... среднюю. Не закончил... Отец... отец не разрешил мне дальше учиться.

— Вот как? Это хорошо, что ты выучил китайский. Старайся говорить на нём почаще, не бойся, — Кан Чжэ на мгновение замолчал, а потом добродушно, как старший брат, улыбнулся. — Чего бояться? Я же не стану смеяться.

Санджи поджал губы. Кан Чжэ достал из шкафа свежие простыню и пододеяльник, положил их на кровать и, потирая переносицу, наконец ответил на его предыдущий вопрос:

— Ты меня не обременяешь, не надумывай. Просто я сегодня немного устал.

Только получив кивок от Кан Чжэ, Санджи осмелился войти в эту, как ему казалось, слишком светлую и чистую комнату. Кан Чжэ указал на бельё.

— Перестели сам, ладно? Слишком много возни, не буду тебе помогать.

Санджи послушно кивнул. Кан Чжэ немного помолчал, а потом прямо сказал:

— Но я не задержусь в Шэньчжэне надолго. Вообще-то я должен был уехать в следующем месяце, но раз ты приехал, останусь до зимы. Тебе нужно строить планы на будущее. Если хочешь обосноваться в Шэньчжэне, нужно решать скорее. С поиском жилья лучше не затягивать.

Санджи, казалось, не понял. Лишь спустя мгновение он растерянно спросил:

— Куда ты... собираешься?

Кан Чжэ замялся на несколько секунд и не ответил прямо:

— Потом решу, ещё не думал.

— Не думал, но уже решил уехать? — с тревогой спросил Санджи.

— Угу, — промычал Кан Чжэ и взглянул на него.

Санджи инстинктивно сделал крошечный шаг назад. Но Кан Чжэ лишь отвёл взгляд.

— Отдыхай. Я сегодня перекантуюсь на диване, а завтра куплю раскладушку. Соседнюю комнату я не прибрал, от прошлого жильца ещё остались вещи. Завтра позвоню хозяину.

— Так нельзя! — поспешно возразил Санджи. — Ты спи на кровати, а я пойду на диван.

Кан Чжэ похлопал его по плечу.

— Не стесняйся. Спи. Всё остальное — завтра.

Когда на следующее утро Кан Чжэ проснулся по будильнику, его утренняя злость готова была перерасти в ядерный взрыв. Провести лето в этом душном и влажном городе, задержаться ещё на несколько месяцев, и, что самое главное, разобраться с этой головной болью, с этой трудноразрешимой проблемой... Такое раздражение не снимешь одним лишь сном.

Кан Чжэ устало потёр переносицу, пытаясь привести чувства в порядок. Он посидел несколько минут, приходя в себя, и, убедившись, что больше не сорвётся на крик из-за пустяка, подошёл к двери спальни и постучал.

Из комнаты тут же донеслись звуки суматохи и отчётливое, торопливое шуршание ткани. Кан Чжэ постоял у двери несколько секунд, а затем ровным голосом позвал:

— Санджи.

Шуршащий звук на мгновение прервался, а затем затих, словно от безнадёжности. Кан Чжэ услышал торопливое шарканье тапочек по полу, и растерянный Санджи открыл дверь.

— А-Чжэ?.. Что случилось? Почему ты так рано встал?

Кан Чжэ заглянул в приоткрытую дверь и невзначай бросил:

— Меняешь постельное бельё?

Рука Санджи, лежавшая на дверной ручке, резко сжалась. Он заставил себя улыбнуться.

— Да.

Кан Чжэ поднял на него взгляд: по лицу невозможно было прочесть никаких эмоций.

— А почему вчера не поменял?

Санджи потупился.

— Вчера слишком устал, рано заснул. Думал, утром перестелю...

Кан Чжэ ничего не сказал, лишь пристально смотрел на него, пока Санджи не начал неловко опускать глаза, а затем равнодушно бросил:

— Ладно, оставь. Иди завтракать.

После завтрака Кан Чжэ собрался на работу в магазин и спросил Санджи, чем тот планирует сегодня заняться. Утренний инцидент, казалось, всё ещё его не отпустил. За завтраком он не проронил ни слова и только сейчас, словно очнувшись, ответил:

— Пойду... поищу работу.

Кан Чжэ, обуваясь у двери, замер. Подумав, он всё же решил промолчать и положил на обувную полку ключ.

— Что ж, удачи. Это ключ от квартиры. Если ничего не найдёшь, возвращайся, там решим.

Поколебавшись, он достал из сумки две тысячи юаней и положил рядом с ключом. Тут Санджи окончательно пришёл в себя. Покраснев до корней волос, он отчаянно замахал руками и, даже сорвавшись на тибетский, принялся отказываться. Хотя Кан Чжэ и ожидал такой реакции, он всё равно постучал по столу и намеренно сделал голос раздражённым:

— Не устраивай сцен. Я опаздываю на работу. Никакого подтекста тут нет, если нужно — воспользуйся, если не нужно — пусть лежат.

Услышав этот тон, Санджи не посмел произнести ни слова и лишь безропотно кивнул, оставшись сидеть на месте.

Спускаясь по лестнице, Кан Чжэ думал, не слишком ли сильно давит. Он вздохнул. Понимает ли его отец, насколько хлопотно иметь дело с этим его «послушным мальчиком»? Спустившись на первый этаж, Кан Чжэ снова вспотел от летней жары Шэньчжэня. Он мысленно представил лицо дяди Дэци и почувствовал, что в последнее время вздыхает всё чаще и чаще.

Вернувшись вечером, Кан Чжэ застал Санджи сидящим на диване в полной неподвижности — телевизор был выключен, он ничего не делал. Санджи был подобен невидимому клубку воздуха — скованному, отторгнутому этим домом и оттого почти уродливому. Даже находясь внутри, он казался менее реальным, чем любой неживой предмет в этой комнате. Он не смел ничего трогать и ничего делать. Кан Чжэ почувствовал усталость, глядя на него, и никак не мог взять в толк, к чему всё это.

Увидев его, Санджи словно ожил, вырвавшись из своего воздушного кокона. Его глаза вспыхнули.

— А-Чжэ, ты вернулся!

— Что хочешь на ужин? — радостно улыбнулся Санджи. — Я купил немного овощей, могу приготовить.

Кан Чжэ положил ключ на полку. Ему казалось, что в последнее время он совершил слишком много скверных поступков и это наверняка укоротит ему жизнь. Но он всё равно безэмоционально и прямо спросил:

— Нашёл работу?

Вспыхнувший было в Санджи огонёк жизни тут же погас. Он замер на месте и смущённо проговорил:

— Нет... пока нет... Завтра снова попробую.

«Такими темпами он и до зимы ничего не найдёт», — отстранённо и холодно подумал Кан Чжэ. Он налил два стакана воды и сел на диван, жестом пригласив Санджи сесть напротив. Тот выглядел напряжённым, его пальцы нервно сплелись. Кан Чжэ отпил воды и, немного помолчав, сказал:

— В Шэньчжэне нелегко найти работу.

Сидевший напротив Санджи резко поднял голову, словно наконец найдя приемлемое оправдание своей мучительной неловкости.

— Да... мой отец говорил мне... в больших городах трудно с работой.

Кан Чжэ ничего не ответил. Он знал, что у людей в этом возрасте очень обострено чувство собственного достоинства, особенно у тех, кто рвётся доказать свою состоятельность. Чем тяжелее их положение, тем они упрямее. Наверняка больше всего на свете Санджи боялся, что его будут презирать. Хотя Кан Чжэ собрался держаться от него подальше, не было никакой нужды быть настолько жестоким с ним в этом вопросе. Он кивнул:

— Да, очень трудно. Поэтому я придумал кое-что для тебя. У моего друга есть музыкальный магазин, где продают пластинки. Он как раз ищет кого-то, кто мог бы присматривать за ним. Как тебе такое, хочешь попробовать?

Санджи долго молчал, и лишь затем, словно собравшись с духом, очень тихо спросил:

— А что такое... пластинки?

Кан Чжэ замер. В его душе шевельнулось какое-то неопишное чувство. Смягчив тон, он ответил:

— Разберёшься за пару дней. Работа простая, в тот магазин почти никто не ходит. Тебе нужно будет только открывать его утром и закрывать вечером, а в остальное время просто ставить по очереди любые пластинки. В худшем случае очень-очень редко придётся принимать деньги. Зато сможешь целыми днями слушать музыку. Ничего сложного. Хочешь пойти?

Санджи замолчал, его пальцы снова бессознательно сжались. Он молчал так долго, что Кан Чжэ снова начал терять терпение. И только тогда Санджи еле слышно произнёс:

— Я пойду.

В тот вечер план Санджи приготовить ужин для Кан Чжэ так и не осуществился. Кан Чжэ повёл его в ресторан есть хого — отпраздновать новую работу. Тогда в сердце Санджи зародилась тайная надежда. В облаке горячего, пряного пара он впервые по-настоящему взглянул на ту жизнь, что выбрал для себя, и ему показалось, что, возможно, ещё не всё потеряно.

Вскоре он обнаружил, что видеться с Кан Чжэ ему удаётся крайне редко. Магазин пластинок находился на ночном рынке, поэтому Санджи обычно приходил открывать его днём, а возвращался домой уже после десяти вечера. Кан Чжэ каждый день уходил в магазин очень рано и, как правило, возвращался после обеда. Их графики почти не пересекались.

Поначалу Санджи с энтузиазмом готовил завтраки для Кан Чжэ, но тот каждый раз говорил, что у него нет аппетита или что он не может есть по утрам. И всё же нельзя было сказать, что Кан Чжэ совсем не готовит. Иногда, возвращаясь поздно вечером, Санджи находил оставленный для него ужин. «Он просто не хочет, чтобы я готовил для него, и не хочет со мной встречаться», — думал Санджи.

Больше месяца спустя до Санджи наконец стало медленно доходить, что на самом деле стояло за бесстрастным поведением Кан Чжэ. Он не смел докапываться до причин. Одно лишь это осознание вызывало такой страх, что у Санджи пересыхало в горле. Он чувствовал себя человеком, бредущим в потёмках. Даже наткнувшись на твёрдую каменную стену, он не смел задуматься, что это такое. Оставалось лишь обойти её, обманывая себя и продолжая идти вперёд, несмотря ни на что. Иначе он не знал бы, как взглянуть в лицо тому себе из прошлого — человеку, который отчаянно рвался оттуда, чтобы добраться сюда.

«Я не то чтобы полностью обманываю себя, цепляясь за это место, — смутно и болезненно думал Санджи. — Я просто приехал повидать а-Чжэ. Он и вправду очень хорошо ко мне относится».

Поначалу его неуверенность в себе была сродни хроническому недугу. Он нутром чуял бездну, что лежала между ним и этим лощёным городом, поэтому каждое утро мучительно всматривался в своё отражение, до смерти боясь, что малейшая деталь выдаст в нём всего лишь неотёсанного земляка Кан Чжэ — ходячую проблему, от которой тому никогда не отделаться.

Кан Чжэ зеркала избегал — в квартире было лишь маленькое в ванной. Однажды, в свой выходной, Кан Чжэ застал Санджи, который долго и мучительно разглядывал себя со всех сторон перед этим крошечным зеркальцем. Тогда Кан Чжэ ничего не сказал, но позже в гостиной появилось огромное зеркало в полный рост. Санджи помнил, как Кан Чжэ, улыбаясь, сказал ему, что настоящему мужчине не пристало столько крутиться перед зеркалом и пора становиться увереннее. Доброта Кан Чжэ была безмолвной.

В комнате Санджи не было кондиционера, только вентилятор. В разгар шэньчжэньского лета это было сродни пытке. Санджи прожил так больше месяца, его деньги почти кончились, он был практически без гроша. На высокогорье холод всегда пробирал до костей, Санджи никогда не испытывал такой душной, влажной, липкой жары. Однажды ночью Кан Чжэ застал его проснувшимся от зноя и пытающимся поймать ветерок на балконе. Тогда Кан Чжэ ничего не сказал, но на следующий день, когда Санджи вернулся после ночной смены, он увидел в своей комнате новый кондиционер. Это была съёмная квартира, кондиционер с собой не заберёшь. Такая трата была исключительно в пользу хозяина.

В тот день Санджи, растерянно застыв в дверях комнаты, ошеломлённо смотрел на новенький кондиционер. Кан Чжэ уже спал — казалось, он намеренно не хотел, чтобы его благодарили. За всё это время Санджи научился расшифровывать его безмолвные отказы и понимал, что у Кан Чжэ не было никаких других мотивов. Но он всё равно не мог унять горечь, сжимавшую его сердце.

«Это же кондиционер... Даже мой отец никогда не видел и не пользовался таким современным прибором». Санджи охватило пронзительное чувство вины, он увидел низменные слабости своей души, но в то же время не мог совладать с презренной и тайной радостью. Каждую ночь, лёжа под чистым, приятно пахнущим ветерком кондиционера, Санджи испытывал желание расплакаться. «А-Чжэ и правда очень, очень хороший человек. Это я плохой, — со стыдом думал Санджи, — мне не следовало влюбляться. Не следовало приезжать и мешать ему».

Он постепенно начал понимать: Кан Чжэ помогал ему найти работу, оставлял ужин, установил зеркало и купил кондиционер — всё это он делал из чувства долга, считая своей обязанностью заботиться о нём. А ещё тот каждую неделю созванивался с его отцом. Санджи долго не мог понять почему, но со временем до него наконец дошло. Кан Чжэ сделал почти всё, что должен был сделать земляк, друг или даже старший брат, но ни один из его поступков не был направлен на то, чтобы стать к нему ближе.

Кан Чжэ был сдержан и вежлив, внимателен и заботлив, сохраняя уместную, никого не ранящую дистанцию. Он был истинным жителем этого города, даже тем, кто чувствовал себя здесь легко и непринуждённо, не испытывая привязанности. Он был совсем не похож на того а-Чжэ-гэ, которого знал Санджи — того, что скакал по степям, кормил лошадей, пас коз, смотрел на облака, спускался с холмов и дерзко улыбался под открытым небом.

Санджи знал, что плохо говорит по-китайски и что у него нет даже аттестата о среднем образовании. Он понимал, что те несколько месяцев городской жизни, которые ему удалось познать, стали возможны исключительно благодаря помощи Кан Чжэ.

Он когда-то старался, почти ломая себя, чтобы вписаться в этот город, казавшийся таким прекрасным, далёким и полным мечтаний, чтобы иметь возможность быть рядом с а-Чжэ, не выглядя при этом слишком неуместно. Но даже это требование, которое, как он полагал, было крохотным, на деле оказалось очень трудно выполнить.

Месяцы пролетели в вихре недопонимания, где один целенаправленно держал дистанцию, а второй терялся в догадках. Самая жаркая пора в Шэньчжэне миновала, и в первый дождливый вечер ранней осени Санджи словно в тумане подумал: «А может, мне всё-таки вернуться? Я и правда очень глуп, далеко не так умён, как а-Чжэ. Наверное, я никогда не стану таким же умным, как а-Чжэ».

Лишь спустя столько времени до него наконец дошло: первый взгляд, брошенный на него а-Чжэ на вокзале, был правдой, а все последующие учтивые заверения — ложью. На самом деле его приезду были совсем не рады.

«Когда а-Чжэ уедет из Шэньчжэня, я тоже вернусь домой, — думал Санджи. — Вернусь к отцу. Я не должен больше его беспокоить. Я ведь и не хотел ничего, просто потерял голову — слишком, слишком долго его не видел и очень скучал».

Любовь Санджи к А-Чжэ была подобна самому воздуху Шэньчжэня: такая же влажная и гнетущая, безмолвная, потаённая и лишённая надежд. Но он хотел лишь одного: чтобы а-Чжэ не нужно было спасаться бегством или терзаться всем этим. Ведь он не причинит ему боли. Он — просто человек, который будет любить его вечно. Главное — никогда не говорить а-Чжэ.

«Я — грешник, — думал Санджи. — Я побуду ненормальным ещё несколько месяцев, а потом мне станет лучше. Снова станет хорошо, как было до того, как я дни и ночи напролёт в степи тосковал по Кан Чжэ, учившему меня грамоте. Хорошо, как было до того, как меня побили и я, заняв денег, молча примчался за ним в Шэньчжэнь. Хорошо, как было до того, как я не сменил простыни и Кан Чжэ это обнаружил. Хорошо, как было до того, как я украл его одежду и вдыхал его запах, делая те самые вещи. Хорошо, как было до того, как я вставал посреди ночи, пробирался к его двери и стоял там, завернувшись в тонкое одеяло, под которым ничего не было.

Всего несколько месяцев. Я уеду, и тогда мне станет лучше. Я не буду счастлив, но мне и не нужно счастье. Пусть а-Чжэ в молитвах и благословениях, которые я буду возносить за него каждый день до конца своей жизни, будет здоров и радостен, свободен от болезней и бед».

— Ты решил? Больше не останешься в Шэньчжэне? — с некоторым удивлением спросил Кан Чжэ, глядя на него.

До конца срока аренды оставался ещё месяц, но Санджи, казалось, и не собирался искать новое жильё. Когда Кан Чжэ задал ему вопрос, он улыбнулся и сказал с лёгким смущением:

— Да, я хочу вернуться.

Шэньчжэнь всё-таки изменил этого тибетского юношу из горной глуши. Он наконец перестал быть робким и беззащитным, как вначале. И хотя ему всё ещё недоставало уверенности, в этот момент он говорил с улыбкой, в которой сквозило облегчение:

— Я соскучился по отцу. Наверное, я всё-таки не очень подхожу для большого города. Я ведь хотел просто посмотреть, никогда не думал, что смогу остаться.

— Не говори так, — спокойно ответил Кан Чжэ. — Впрочем, раз решил, значит, так будет лучше.

Санджи лишь улыбнулся и больше ничего не сказал. Кан Чжэ задержал на нём взгляд. Он видел, что свет в глазах Санджи ещё не погас, и раз уж тот смог продержаться до этого момента, то этот огонёк не угаснет так быстро. Кан Чжэ усмехнулся. Он знал, что именно хотел услышать Санджи, но в итоге, как всегда, лишь бросил:

— Когда уезжаешь? Я угощу тебя на прощание.

Санджи торопливо замахал руками.

— На следующей неделе. Не надо меня угощать. Ты мне стольким помог, так долго обо мне заботился. Позволь мне угостить тебя.

Кан Чжэ подумал и не стал с ним спорить. Он кивнул:

— Что ж, пойдёт. Тогда завтра, как я вернусь из магазина.

Последним ужином снова стал хого. Санджи ел с огромной радостью, он всё ещё помнил тот первый, шумный вечер, который подарил ему столько надежды. Они оба пили вино, но Кан Чжэ совсем немного. Санджи понимал, что счастлив, но в то же время чувствовал, как эта радость разрывает его на части, оставляя за собой лишь звенящую пустоту. И тогда, с какой-то злой решимостью, он намеренно позволил себе перебрать.

Кан Чжэ не останавливал. Когда он на себе приволок Санджи домой, тот почти сразу уснул в своей комнате. Кан Чжэ вспомнил, что только сегодня сменил постельное бельё, и с отвращением принялся к запаху алкоголя на себе. Тащить пьяного человека было очень утомительно. Кан Чжэ, что случалось с ним редко, поленился идти в душ и устроился на ночь на диване.

Кан Чжэ нельзя было назвать человеком с очень чутким сном, но поцелуя оказалось достаточно, чтобы его разбудить. Находясь в полудрёме, он открыл глаза и увидел Санджи, который благоговейно стоял на коленях в лучах утреннего солнца и трепещущими губами прикоснулся к его губам.

Кан Чжэ молча посмотрел на него, а затем перевёл холодный взгляд на отражение в зеркале, висевшее прямо напротив дивана. Оценив своё душевное состояние, Кан Чжэ понял, что не испытывает ровным счётом ничего. Разве что жалость, а ещё ему очень хотелось вздохнуть.

В зеркале он видел две фигуры, казалось бы, нежно прижавшиеся друг к другу. Видел Санджи с закрытыми глазами, у которого, кажется, дрожали даже ресницы. И видел своё собственное усталое, абсолютно ничего не выражающее лицо.

Но в то же время он увидел дядю Дэци, стоявшего в дверях. Весь в дорожной пыли, с растерянным лицом, он застыл в напряжённой позе и смотрел на них широко раскрытыми глазами. Он будто лишился дара речи и был намертво прикован к месту увиденным.

Кан Чжэ резко оттолкнул Санджи. Тот глухо охнул и в панике попытался вскочить, но тут же, в огромной зеркальной глади, увидел своего отца, стоявшего в дверях.

В воспоминаниях Кан Чжэ зеркало разлетелось на куски. Он мог поклясться, что слышал этот звук — резкий, хрустальный треск. Но позже он убедился, что это была лишь иллюзия: стекло было нетронутым. Звук родился не в комнате, а в его собственном сознании.

В удушающей, как смерть, тишине он снова посмотрел в глаза Санджи. Свет погас.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130191>